

УДК 82.01+821.161

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-201-206

МЕМУАРЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСПОМИНАНИЙ В. А. ИВАНОВА О ВОСТОКЕ)

© Ринат Бекметов

MEMOIRS OF A RESEARCHER AS A LITERARY FACT (BASED ON V. IVANOV'S MEMOIRS ABOUT THE EAST)

Rinat Bekmetov

The article examines the memoirs of Vladimir Alekseevich Ivanov (1886–1970), a prominent Russian orientalist, the founder of Ismaili studies, a branch of Islamic studies that explores Ismailism as a religious and ideological movement within the Shiite branch of Islam. Written in the mid-1960s, these memoirs cover the period from 1918 to 1968 and convey the researcher's impressions of the Eastern countries he visited (Central Asia, Iran, Iraq, India, Egypt, Syria and Palestine). The handwritten notes of the scientist are kept in the archival collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Moscow, St. Petersburg). In 2015, they were published as a separate book with a preface and comments by B. Norik, a Russian Iranian scholar, translator, textual critic, employee of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow). The memoirs of V. Ivanov have so far been studied as a fact of his scientific life and fate, as a certain addition to the researcher's work, a kind of appendix to them, explaining what usually lies beyond strict studies, in the field of subjective experience and impressions. Meanwhile, it seems that they represent a completely independent literary work, so that the circle of their readers cannot be limited only to narrow specialists. The literary part of the memoirs is determined by a whole set of features: its language (style register), the image of the author and his subjective position, genre features of the work combining elements of diary prose and detective story, as well as a conditionally "hagiographic" canon (ancient Russian literature) with the traditions of ethnographic descriptions of everyday life, which dates back to "Walking across Three Seas" by Afanasy Nikitin. The memoirist, as a rule, records the past selectively (this is due not only to the conscious desire of the author to highlight some events, obscuring others, but also to the specifics of human memory as such). V. Ivanov was no exception, for him of primary nature was the opinion taken from the point of view of the interests of science.

Keywords: V. Ivanov, oriental studies, memoirs, travelogue, history, culture, literary element

В статье рассматриваются мемуары Владимира Алексеевича Иванова (1886–1970) – видного российского ориенталиста, основоположника исмаилитоведения – отрасли исламоведения, изучающей исмаилизм как религиозно-идеологическое движение внутри шиитской ветви мусульманства. Написанные в середине 1960-х гг., мемуары эти охватывают период с 1918 по 1968 гг. и передают впечатления исследователя о тех странах Востока, в которых он побывал (Средняя Азия, Иран, Ирак, Индия, Египет, Сирия, Палестина). Рукописные записки ученого хранятся в архивном фонде Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург). В 2015 г. они были опубликованы в виде отдельной книги с предисловием и комментариями Б. В. Норика, отечественного ираниста, переводчика, текстолога, сотрудника Института востоковедения РАН (г. Москва). Мемуары В.А. Иванова до сих пор изучались в качестве факта его научной жизни и судьбы, как определенное дополнение к трудам исследователя, своеобразное приложение к ним, разъясняющее то, что обычно лежит за пределами строгих штудий, в области субъективного опыта и впечатлений. Между тем думается, что они представляют собой вполне самостоятельное литературное сочинение, благодаря чему круг их читателей не может ограничиваться лишь узкими специалистами. Литературный план мемуаров задается целым набором признаков: языком (стилевым регистром), образом автора и его субъектной позицией, жанровыми особенностями произведения, сочетающими элементы дневниковой прозы, детектива, а также условно «житийного» канона (древнерусская литература) с традициями этнографического бытописания, которые восходят к «Хождению за три моря» Афанасия Никитина. Мемуаристы фиксируют прошлое избирательно (это связано не только с сознательным желанием авторов выдвинуть на первый план одни события, затушевывая другие,

но и со спецификой человеческой памяти). Не стал исключением В. А. Иванов, для которого взгляд на происходящее с точки зрения интересов науки носил первостепенный характер.

Ключевые слова: В. А. Иванов, востоковедение, мемуары, травелог, история, культура, литературный элемент

Для цитирования: Бекметов Р. Мемуары исследователя как литературный факт (на материале воспоминаний В. А. Иванова о Востоке) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 201–206. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-201-206

Имя Владимира Алексеевича Иванова (1886–1970) хорошо известно многим современным историкам, специализирующимся в области исламоведческих штудий. Иранист-текстолог по основной специальности, он внес существенный вклад в развитие такой ее отрасли, как исмаилитоведение – особой дисциплины, изучающей исмаилизм, религиозно-идеологическое движение внутри шиизма, ветви мусульманского вероучения.

О значении его трудов для отечественной и мировой иранистики в весьма обстоятельном ключе говорилось не раз (см.: [1], [2], [3]), однако следует подчеркнуть, что некоторые аспекты им написанных произведений заслуживают более пристального внимания (на это уже указывалось, правда, в контексте общего интереса к наследию ученого [4, с. 2], [5, с. 3]), и не в последнюю очередь литературоведческого, важного для нас здесь. Речь в первую очередь идет об опубликованных почти десять лет назад мемуарах Иванова, посвященных странам Востока (Средней Азии, Ближнего Востока, Индии), в которых он побывал – и по профессиональной необходимости, и по воле случая. Автор назвал их подзаголовку, просто – «Воспоминания о Востоке». Прежде чем затронуть новый момент исследования этого текста, поясним кратко историю его публикации.

В Институте восточных рукописей Российской академии наук (преемник Азиатского музея, в котором историк трудился непродолжительное время и для которого он собрал большую и ценную рукописную коллекцию, получившую название Бухарской) имеется архивный фонд Иванова, первые материалы которого датируются, по предположению Б. В. Норика, 1912–1913 гг. (поступили в 1916 г., судя по сопроводительной записке в описи фонда). Среди бумаг выделяются те самые «Воспоминания о Востоке» – записи автора, набранные на пишущей машинке, сшитые тесьмой и содержащие пометы и исправления, сделанные его рукой. В конце 1960-х гг. текст готовился к публикации в Советском Сою-

зе, в издательстве «Наука»¹, но замысел не был осуществлен: редакция восточной литературы отказалась принимать рукопись на том основании (и это крайне примечательно!), что «Наука» как академическое учреждение не печатает произведения мемуарного, то есть, говоря иначе, субъективного, лишенного смысловой строгости и стройности характера; взамен автору предлагалось издать научную книгу по темам исмаилизма (по сути, дать расширенную русскую версию ранее по настоянию друзей опубликованной автором на английском языке в популярном стиле «карманной» книги об эволюции исмаилизма); не получив своей реализации, идея эта также канула в лету. Можно предположить, что рукопись была создана в короткие сроки (вероятно, середина 1960-х гг.), что-то дописывалось и переделывалось позднее: предисловие к мемуарам датируется весной 1968 г. В виде отдельной книги она вышла в свет лишь в 2013 г. (это, кажется, пробный экземпляр, он размещен в сети Интернет) и 2015 г. в Петербурге (в обоих случаях со вступительным словом и комментариями Б. В. Норика, автора статей об архиве Иванова [7], [8], [9] и – упомянем попутно в связи с литературоведческой темой, столь актуальной для нашего случая, – фундаментального словаря-хрестоматии о среднеазиатских поэтах XVI–XVII вв. [10]); см. также издание воспоминаний 2019 г. [11].

«Воспоминания» Иванова до сих пор рассматривались в документальном аспекте: своеобразное приложение к научным трудам исследователя, они не только дают представление о перипетиях жизни человека, профессионально изучавшего мусульманский Восток, но и служат этнографическим описанием, вообще фиксацией событий в живом историческом преломлении.

¹ В конце 1950-х гг. Иванов уехал в Иран на постоянное место жительства (решением совета Тегеранского университета ему были выделены две небольшие комнаты университетского клуба, в котором, как правило, жили приглашенные иностранные профессора, там он занимался с аспирантами из разных стран мира вопросами исмаилизма [6, с. 446]); в Тегеране он и скончался 1 июня 1970 г., похоронен на русском кладбище этого города.

Так, в автобиографической части мы узнаем об особенностях гимназического образования в до-советской России². Автор сообщает, что Петербургский университет в начале XX в. был местом, где не только учили, но и «проповедовали» актуальную идеологию³. Подлинным очагом науки являлся в те годы Азиатский музей. В нем царила атмосфера поиска, содружества, добро-любия. Мемуары содержат портреты русских ориенталистов конца XIX – начала XX в.: К. Г. Залемана (1849–1916) («Он был... „сто процент-ный“ ученый»), Ф. А. Розенберга (1867–1934) («Он умел объяснить и посоветовать – это ве-ликий и редкий дар») и т. д., известный иранист, хайямовед В. А. Жуковский (1858–1918) был от-кровенно назван «самым неприятным» из пред-ставителей университетского образования («тип провинциального учителя гимназии, выслужив-шегося в директора» [5, с. 9–11]).

Много в мемуарах этюдных зарисовок Вос-тока, показывающих его оборотную сторону, разрушающих неизбежные стереотипы, которые вызваны самим фактом того, что перед нами – далекая экзотическая культура. Например, о Бомбее пишется, что, когда пароход причалил к нему, этот многолюдный индийский город пока-зался автору «нарядным», однако той «сказочной Индии», которую мы вычитываем, будучи под-ростками, из книг, он там не нашел [Там же, с. 23]. Карачи, откуда автор плыл в Бомбей, на-поминал грязный английский порт с пыльными улицами и сырыми от влаги домами [Там же]. О Мешхеде 1910-х гг.: город развалин, свалок, не-ухаженных кладбищ, со стаями одичалых собак [Там же, с. 56]. Бухара названа «малярийным ме-стом» [Там же, с. 25]; Туркестан охарактеризо-ван как территория опасности из-за набегов бас-мачей, «разбойников»⁴ [Там же, с. 27]; Иран по-казан в тот период, когда ограбление на дорогах превратилось в обыденное, каждодневное явле-ние⁵. Упоминает мемуарист засуху, постигшую в

1917 г. Персию, и голод там [Там же, с. 29]; уде-ляет внимание обстановке, сложившейся вокруг Туркестана, в ходе противостояния Российской и Британской империй, но оговаривает, что поли-тика всегда казалась ему делом малозанятым [Там же, с. 32]⁶.

Этнографической ценностью обладает опи-сание Исфахана. Автор констатирует, что на го-родском базаре в продаже было множество ста-ринных вещей (керамика, изделия из резного де-рева, образцы костяной мозаики, выполненные, по предположению автора, не индивидуально-ручным, а машинным способом), в том числе ру-кописи – объект профессиональных забот Ива-нова. Любопытно изображение персидских дер-вишей. Автор нашел их около местного кладби-ща, за рекой. Там располагалось жилище аске-тов, которые в общении с автором записок при-держивались «ритуала»: по утрам они поливали внутренний двор дома водой, заваривали чай (непременный атрибут мусульманского госте-приимства) и вели беседы едва ли не до глубокой ночи [Там же, с. 52]. Автор подчеркивает, что в его время институт нищих и бродячих дервишей фактически исчез. Когда-то они, в самом деле, были частью городского ландшафта, но ныне – не так; по мысли Иванова⁷, это объясняется удо-рожением жизни в Иране: подаянием жить стало невозможно, и дервишество вошло в круг со-стоятельных и образованных людей, что совсем не равно реальному, историческому суфизму с его ориентацией на непросвещенные слои обще-ства. Рассказывает автор и о цыганской свадьбе, которую наблюдал в Иране: праздник длился долго, из музыкальных инструментов главенст-вовали свирели и бубны, самое привлекательное

отказался что-либо делать, ссылаясь на свое полное бессилие [Там же, с. 53].

⁶ Не случайно в VI главе «Снова в Персии» Иванов описывает «генерала Диксона», секретаря английско-го консульства в Мешхеде. Автор, искавший работу по специальности и встретившийся с ним, указывает на его благожелательность, теплоту приема и именует не иначе, как «определенным русофилом» [Там же, с. 32]; его привлекает образ человека, сумевшего под-няться над политическими и идеологическими разно-гласиями. Отметим, что, находясь в 1920-е гг. около пяти лет в Индии безвыездно, Иванову удалось «на-турализироваться», то есть получить английский пас-порт, стать подданным Британской империи. Никаких особенных прав эта «натурализация» автору, по его мнению, не дала: для англичан он остался иностран-цем, человеком иной культуры, чужим [Там же, с. 39].

⁷ Тут он выступает почти как марксистский социолог, для которого «материя первична», а «дух вторичен» («базис» и «надстройка»).

² Практика зубрежки тогда была распространена, осо-бенно в предметах лингвистического цикла, отсюда – гимназия вспоминается «одним бесконечным холод-ным серым днем», «я уставал от сидения на уроках», «приходил домой изможденным», «учеба была отбы-ванием повинности, ... нелепой традицией» [5, с. 10].

³ Профессор турецкой словесности, «хороший специа-лист», вызывал негативные чувства, когда, вдруг от-влекаясь от занятий, клял Льва Толстого, а с ним и представителей левого движения – было скучно, не-интересно, утомительно [Там же].

⁴ Тюрк. басмак 'нападать'.

⁵ Выразителен эпизод 1918 г., когда Иванов стал сви-детелем грабежа одной деревни; ее жители обрати-лись за помощью к губернатору провинции, но тот

– женские танцы (на свадьбах цыган танцуют исключительно женщины [Там же, с. 56]).

Нельзя не обратить внимание на одну проблему, ставшую предметом авторского размышления, – процесс урбанизации, рост городов и формирование в обществе новых стандартов. Города не просто поглощали персидские деревни – они уничтожали традиционный уклад, внедряли чувство отчужденности, меняли социальную психологию, поощряя отношения, основанные на материальной выгоде. Восточная деревня, поясняет Иванов, оперируя своим непосредственным опытом, всегда была гостеприимной, путнику в ней без труда можно было найти ночлег, скромную еду, добрых и открытых хозяев. Вхождение крестьянина в рыночные связи городского типа сделало привычную картину мира устарелым, заскорузлым «предрассудком», от которого хотят быстрее избавиться [Там же, с. 57–58]⁸.

Примеры такого рода можно умножать, они рассеяны по всему тексту.

Вместе с тем существенной гранью «Воспоминаний» является их литературность. Есть несколько причин так полагать.

Во-первых, литературный характер записок намеренно репрезентируется их автором. В «Предисловии» Иванов пытается очертить жанровую специфику своего произведения и – самое главное – называет древнерусский памятник, являющийся ключевым в его генезисе. С одной стороны, это не «отчет о предпринятых путешествиях» [Там же, с. 8], а с другой – текст, по замыслу Иванова, восходит к «Хождению за три моря» Афанасия Никитина⁹. Древний русский контекст позволяет взглянуть на мемуарные записки расширительно: перед нами – не только судьба смелого человека, случайно заброшенного в географически далекий от родины, полный превратностей культурный мир (родство с героем «Хождения», его купеческой линией), но жизнь, отдаленно похожая на «житие» со всеми сопутствующими этапами роста и развития (беззаботное детство, праведные родители, взросление, выбор пути, бесчисленные тяготы в поисках правильного знания, стойкая, неотвратимая вера в науку, смиренное выполнение целей и задач

вопреки невзгодам и т. д.). Разумеется, «житийный» канон условен, о его полном наложении утверждать нельзя – хотя бы потому, что аскетическую личность ведет Бог, а у Иванова даже любимая им наука о рукописях не обладает (по крайней мере, артикулированно на страницах мемуаров) сакральным статусом, не говоря о том, что автобиографический герой на протяжении всего повествования ни словом не обмолвливается о своей близости к Богу¹⁰. Тем не менее, несмотря на всю условность, элементы «жития» обнаруживаются у Иванова в ракурсе широкой интерпретации биографического начала.

Во-вторых, в «Воспоминаниях» прослеживается сюжетно-фабульная схема. Мемуары – не разрозненные заметки, а связный, продуманный текст, обладающий внутренне значимой цельностью и содержательной глубиной. Местами они напоминают незавершенный авантюрный роман (его черновик), за которым читатель следит с заметным напряжением. Одна из мемуарных глав называется «Приключение в джунгле». Автор рассказывает о случае, когда ему вместе с товарищем удалось спасти туземную женщину и ее ребенка, за которыми в индийских джунглях охотился тигр. Молодую женщину в обморочном состоянии вывели из леса, положили на землю, а когда она очнулась и увидела в походном термосе свое отражение, то попробовала сбежать. Ее успокоили, посадили в машину, довезли до места, но потом отец женщины, крестьянин, подал на автора жалобу в полицию с требованием привлечь его к ответственности за то, что он якобы убил дочь (чтобы прогнать тигра, пришлось стрелять в чашу из револьвера) и увез тело в неизвестном направлении. Дело об «умышленном преступлении» было передано в суд и разрешилось только потому, что судья оказался «умным и порядочным», сразу смекнувшем, что истец – бессовестный сутяга [Там же, с. 93–96]. Глава – отдельно взятая новелла, построенная по беллетристическому принципу: если не знать, что она часть целого, то ее правомерно воспринимать как самостоятельную величину с самодостаточным сюжетом.

В-третьих, мемуары включают субъектную позицию автора. Автор создает свой образ – человека наблюдательного, решительного, умного, эрудированного, честного. В некоторых фраг-

⁸ Мы видим, что в этих не лишенных оснований рассуждениях автора сквозит социологический взгляд, близкий к марксистской философии.

⁹ Ср. концовку вводного слова: «Хотя я и пишу это в возрасте 82 лет, но я являюсь новичком в этом жанре – никогда не писал мемуаров и вообще „для легкого чтения“. В качестве образца я беру 500-летнее „Хождение“ тверского купца Афанасия Никитина „за три моря“ (1466–1472), который, как и я, проехал в Индию через Персию» [Там же, с. 8].

¹⁰ Рефлексий на этот счет нет и с учетом того, что автор – человек преклонного возраста, вопрос о вере в мемуарах не затронут вовсе, смысл изображенных им событий не стягивается в причудливый божественный «узор», когда мы вправе считать, что в жизни нет и не может быть ничего случайного.

ментах он высказывает собственный взгляд на происходящее. Так, неизбежно погружаясь в тину политических событий, автор, вопреки конъюнктурным мелочам, выше всего ставит человечность и профессионализм. Он не чужд здорового скепсиса – качества в науке полезного. Автор способен найти общий язык с людьми различных характеров и темпераментов – все ради необходимости обзавестись очередным рукописным списком. Патриархальный нрав, простота, детская непосредственность – эти свойства представляются ему первостепенными, хотя порой и вызывающими искреннюю улыбку¹¹.

В-четвертых, в «Воспоминаниях» нередко лирические отступления, выдающие автора в качестве натуры поэтической, сентиментально-романтической. Приведем пример. В «бухарской» части имеется следующий пассаж:

«Было около десяти ночи, ярко светила полная луна. Я один шагал по пустой улице. Вдруг откуда-то сверху я услышал странный высокий звук, точно обрывок какой-то мелодии. Он усилился, как будто приближаясь. Еще и еще, стало слышно, что это какая-то жалобная мелодия. И вот я повернул на главную улицу, и меня как бы „обдало“ нестройным ревом мужских голосов, и я увидел действительно нечто не только неприятное, но и вызывающее чувство ужаса. Это была „цепочка“ слепых нищих, каждый державшийся за пояс переднего перед ним. Их вел мальчишка. Самое неприятное <...> были их зияющие глазные впадины... Потом мне говорили местные жители, что эти слепцы были обязаны своей слепотой не болезни <...>, а лишились глаз в наказание за преступления. Их жуткие ночные серенады были <...> способом собирать милостыню для их прокормления. Выкалывание <...> глаз было <...> средством „обезвреживания“ врагов <...>» [Там же, с. 60].

Отрывок – явно «лермонтовский». В эмоционально-стилевом плане, несмотря на различие исходных посылов и творческого замысла, он схож с соответствующим фрагментом из главы «Тамань» романа «Герой нашего времени», о «честных контрабандистах» (Печорин в ясную лунную ночь увидел слепого мальчишка и принялся выслеживать его, чтобы раскрыть тайну, см.: [12, с. 253]).

Есть в «Воспоминаниях» другие параметры литературности: язык с набором художественных средств (эпитеты, сравнения, тропы, синтак-

сические конструкции), композиция, портретность. Их изучение лежит в области филологической перспективы. Пока же необходимо сказать, что не в последнюю очередь именно литературная составляющая научно-документальных записок Иванова делает их невероятно увлекательными.

Список источников

1. Иоаннесян Ю. А. Владимир Алексеевич Иванов – выдающийся иранист мирового масштаба. Часть I // Письменные памятники Востока. 2024. Т. 21. № 1. Вып. 56. С. 115–134.
2. Иоаннесян Ю. А. Владимир Алексеевич Иванов – выдающийся иранист мирового масштаба. Часть II // Письменные памятники Востока. 2024. Т. 21. № 2. Вып. 57. С. 68–86.
3. *Daftary Farhad*. Wladimir Ivanow and Modern Ismaili Studies // Русские ученые об исмаилизме. СПб.: СПбГУ, Нестор-История, 2014. С. 24–37.
4. Иванов В. А. Воспоминания о Востоке. 1918–1968 (подготовка к публикации, предисловие и комментарии Б. В. Норика). СПб., 2013. 101 с.
5. Иванов В. А. Воспоминания о Востоке. 1918–1968. СПб.: Контраст, 2015. 160 с.
6. Акимущкин О. Ф. Автобиографическая справка Владимира Алексеевича Иванова; Иванов В. А. Краткая справочная биографическая заметка (предисловие, публикация текста и примечания О.Ф. Акимущкина) // Петербургское востоковедение. Вып. 10. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2002. С. 446–458.
7. Норик Б. В. Материалы фонда В. А. Иванова в Архиве востоковедов ИВР РАН (краткий обзор) // Русские ученые об исмаилизме. СПб.: СПбГУ, Нестор-История, 2014. С. 38–44.
8. Норик Б. В. «Воспоминания» В. А. Иванова в Архиве востоковедов ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2012. № 1 (16). С. 6–9.
9. Норик Б. В. International conference. To the 125th Birth Anniversary of W.A. Ivanow. Ismaili Tradition and Spirituality of the People of the Pamirs in the Works of Russian Scholars The Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg; The Institute of Ismaili Studies, London, UK. December, 7–9, 2011, IOM RAS, St. Petersburg, Russia // Письменные памятники Востока. 2012. № 1 (16). С. 268–270.
10. Норик Б. В. Биобиблиографический словарь среднеазиатской поэзии. М.: Издательский дом Марджани, 2011. 976 с.
11. Иванов В. Пятьдесят лет на Востоке: воспоминания / вступ. статья, коммент. Ф. Дафтари; под ред. Х. Эльназарова, М.Е. Резван. М.: Наука, Восточная литература, 2019. 17 л.
12. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 4 томах. Т. IV. М.; Л.: ОГИЗ, 1947. 515 с.

¹¹ Симптоматичен эпизод, когда палестинский араб, духовное лицо, продемонстрировал ему «волос из бороды Пророка»; автор выразил сомнение в том, что он принадлежит человеку: у арабов волосы тонкие, нежные, вьющиеся, а не длинные и грубые; продемонстрировавший «волос» обиделся...

References

1. Ioannes'an, Yu. A. (2024). *Vladimir Alekseevich Ivanov – vydayuschiis'a iranist mirovogo masshtaba* [Vladimir Alekseevich Ivanov as an Outstanding International Iranian Scholar]. Chast' I. Pis'mennye pam'atniki Vostoka. Vol. 21. No 1. Vyp. 56, pp. 115–134. (In Russian)
2. Ioannes'an, Yu. A. (2024). *Vladimir Alekseevich Ivanov – vydayuschiis'a iranist mirovogo masshtaba* [Vladimir Alekseevich Ivanov as an Outstanding International Iranian Scholar]. Chast' II. Pis'mennye pam'atniki Vostoka. Vol. 21. No 2. Vyp. 57, pp. 68–86. (In Russian)
3. Daftary Farhad. (2014). *Wladimir Ivanow and Modern Ismaili Studies*. Russkie uchonye ob ismailizme. Pp. 24–37. St. Petersburg, SPbGU, Nestor-Istoriya. (In English)
4. Ivanov, V. A. (2013). *Vospominaniya o Vostoke* [Memories of the East]. 1918–1968 (podgotovka k publikatsii, predislovie i kommentarii B. Norika). 101 p. St. Petersburg. (In Russian)
5. Ivanov, V. A. (2015). *Vospominaniya o Vostoke* [Memories of the East]. 1918–1968. 160 p. St. Petersburg, Kontrast. (In Russian)
6. Akimushkin, O. F. (2002). *Avtobiograficheskaya spravka Vladimira Alekseevicha Ivanova* [Autobiographical Information of Vladimir Alekseevich Ivanov]. V. A. Ivanov, *Kratkaya spravoch'naya biograficheskaya spravka* [A Brief Background Biographical Note]. (Predislovie, publikatsiya teksta i primechaniya O. F. Akimushkina). Peterburgskoe vostokovedenie. Vyp. 10, pp. 446–458. St. Petersburg, Tsentr “Peterburgskoe vostokovedenie”. (In Russian)
7. Norik, B. V. (2014). *Materialy fonda V. A. Ivanova v Arkhivе vostokovedov IVR RAN (kratkii obzor)* [Materials of the V. A. Ivanov Foundation in the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (A Brief Overview)]. Russkie uchonye ob ismailizme. Pp. 38–44. St. Petersburg, SPbGU, Nestor-Istoriya. (In Russian)
8. Norik, B. V. (2012). “*Vospominaniya*” V. A. Ivanova v Arkhivе vostokovedov IVR RAN [“Memoirs” by V. A. Ivanov in the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences]. Pis'mennye pam'yatniki Vostoka. No 1 (16), pp. 6–9. (In Russian)
9. Norik, B. V. (2012). *International Conference. On the 125th Anniversary of W. A. Ivanow. Ismaili Tradition and Spirituality of the People of the Pamirs in the Works of Russian Scholars*. The Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg; The Institute of Ismaili Studies, London, UK. December, 7–9, 2011, IOM RAS, St. Petersburg, Russia. Pis'mennye pam'atniki Vostoka. No. 1 (16), pp. 268–270. (In English)
10. Norik, B. V. (2011). *Biobibliograficheskii slovar' sredneaziatskoi poezii* [Biobibliographical Dictionary of Central Asian Poetry]. 976 p. Moscow, Izdatel'skii dom Mardzhani. (In Russian)
11. Ivanov, V. (2019). *Pat'desat let na Vostoke: vospominaniya* [Fifty Years in the East: Memories]. Vstyp. stat'a, komment. F. Daftari; pod red. Kh. El'nazarova, M. E. Rezvan. 17 p. Moscow, Nauka, Vostochnaya literatura. (In Russian)
12. Lermontov, M. Yu. (1947). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. V 4 tomakh. Vol. IV, 515 p. Moscow, Leningrad, OGIZ. (In Russian)

The article was submitted on 30.10.2024
Поступила в редакцию 30.10.2024

Бекметов Ринат Ферганович,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы
и методики ее преподавания,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Doctor of Philology,
Professor in the Department of Russian
Literature and Methods of Teaching,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru